

Николай Епифанов

В тени дождя

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Е67

Епифанов Н. И.

В тени дождя / Епифанов Н. И. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 301 с.

ISBN 978-5-532-99837-7

Город N, что позволил найти приют многим душам со всего земного шара, погрузился в осенние сумерки. В его узких каменных коридорах прячутся те, кто пытается сбежать от самого себя, те, кто хочет начать жизнь с чистого листа или даже те, кто стремится отыскать покой среди хаоса жизни. Доктор Саймон Брис, только-только приехавший в город после принятого предложения о работе, становится невольным участником жестоких событий. Каждый шаг приближает его к ответу, но он вынужден платить за это немалую цену, погружаясь во тьму, где с людей сорваны их привычные маски.

ISBN 978-5-532-99837-7

© Епифанов Н. И., текст, 2011
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Там, где начинается история	7
Первый снег	12
Новая жизнь	21
Вскрытие неизвестности	31
Встреча перед рассветом	44
Прерванный сон	47
Непрерывный круговорот времени, или Не забывая, забывай	53
Прощай	65
Переплетение судеб	68
Мгновения ушедших лет	82
Прерванная жизнь	90
Близость прощания	93
Старушка Лилит	105
Шепот душ	114
Человек, лишенный сна	117
Дневник Саймона	127
Ты был лучшим из нас	134
Часть 2	151
Пролог	151
Потерянные дни	153
Новый друг	161
Отголоски следствия	172
Бесконечная серость	185
Антонио	194
Мария	203
Волков	212
Пересеченная черта	221
Мы в ответе за поступки наши	236
Одиночество	240
Неумолимое движение	249

Однажды мы снова встретимся	259
Слабость	267
Малыш Шарль Миремон	275
Ледяное сердце печального Незнакомца	279
Эпилог	299

Посвящается переменам в жизни, которые не позволили нам
остаться прежними

От автора

Чтобы рассказать эту историю от начала и до самого конца, мне пришлось пожертвовать частью собственной души. Она выплеснулась на листы бумаги багровыми пятнами, но затем обрела очертания знакомых всем букв. Слова складывались в предложения. Предложения становились главами, а вместе они превратились в полноценную историю, случившуюся много лет тому назад в далеком городе, затерянном где-то на карте Европы. Для простоты и удобства мы назовем город N и больше никогда не будем возвращаться к этому вопросу.

А теперь скажи мне, дорогой читатель, что ты сейчас видишь? И я говорю совсем не о том, что окружает тебя. Я говорю о том, как ты воспринимаешь происходящие вокруг тебя события. Пожалуй, я отвечу за тебя. Ты видишь то, что тебе хочется видеть.

Не осознавая подлинного положения вещей, каждый человек на этом свете так или иначе хоть раз вводил себя в заблуждение. Ему казалось, будто реальность представляет собой именно то, что видят его глаза, слышат уши. Он верил своему сердцу и доверял разуму.

Но рано или поздно любым иллюзиям приходит конец. И как бы нам ни хотелось сохранить мир, созданный воображением, он постепенно рушится, оставляя нас наедине с реальной жизнью. Нельзя сказать наверняка, когда это произойдет. Может быть, завтра или через много лет, а возможно, этот миг уже настал.

Это история о том, что скрывается за пеленой нашего восприятия.

Часть 1

Там, где начинается история

Холодное лето тысяча девятьсот тридцать девятого года. Я помню его, словно оно было только вчера. Стоит закрыть глаза, и я почувствую то, что чувствовал тогда, увижу перед собой давно забытые образы прошлого. Такое ощущение, будто то лето – это не время, ушедшее давным-давно, а место, куда можно вернуться в любой момент, если по-настоящему захотеть. Мы еще не знали, что менее чем через три месяца в мире разразится война, которой суждено унести десятки миллионов жизней и оставить после себя бесконечные руины. Годы войны я провел вдалеке от родимых мест, то и дело вспоминая события накануне безжалостной эпохи.

Тогда я был всего лишь мальчишкой десяти лет от роду. Лето я проводил в загородном доме своей тети Ребекки. Это был большой двухэтажный дом с десятью, а может, и двенадцатью комнатами. Тут память меня немного подводит.

В то время мой дядя Джейкоб Купер уехал во Францию, чтобы помочь своему брату наладить дело по производству мебели. Так как он всю свою жизнь посвятил плотническому искусству, то разбирался в нем лучше всех людей на свете. По крайней мере, мне так казалось.

Помню, как частенько сидел у окна и любовался тяжелыми дождевыми каплями, падавшими с неба. С кухни доносился божественный аромат пирожков с мясом. Моя тетя обожала готовить, и в особенности ей удавались пирожки: с мясом, капустой, сыром, вареньем и даже с рыбой. Это был настоящий праздник на любой вкус!

Единственное, что огорчало, – это невозможность уговорить тетю Ребекку отпустить меня на улицу во время дождя, правда, теперь я ее прекрасно понимаю. Иногда, когда дождь шел по ночам, я тайком вылезал через окно своей комнаты и бежал сломя голову по огромному полю, раскинувшемуся перед домом. Мне нравилось

ощущение капель дождя на лице и руках. Я бежал и бежал, пока не утыкался в лес, а затем, не сбавляя скорости, возвращался назад. Пусть сейчас это кажется глупым, но в те моменты я был по-настоящему счастлив.

И вот как-то раз во время очередного дождя я, сидя на своем привычном посту возле окна, увидел промокшую до нитки собаку. Она медленно шла в сторону нашего дома, тяжело волоча заднюю лапу.

«Тетя Ребекка! Тетя Ребекка!» – закричал я тогда во весь голос.

Тетя выбежала с кухни перепачканная с ног до головы мукой и с огромными от ужаса глазами: «Что случилось? Что ты так кричишь?»

Когда она увидела причину моих истошных воплей, то тотчас взяла зонт из подставки и исчезла за входной дверью. Сердце замерло. Я подлетел обратно к окну и приник лицом к холодному стеклу. Я увидел, как тетя Ребекка не спеша подошла к собаке. Та ее вначале испугалась и прижала уши, но затем, обнюхав протянутую тетину ладонь, поняла, что ей не причинят никакого вреда, и последовала за доброй женщиной в дом.

Скрипнула дверь, и вот уже тетя стояла на пороге, пропуская вперед несчастное животное. Пес улегся на пол и начал вылизывать больную лапу. Она оказалась сломана, причем перелом был открытый, и кровь никак не останавливалась. Тетя присела на корточки и погладила собаку по голове.

– Послушай, Саймон, – тетя Ребекка взглянула на меня своими большими карими глазами, блестевшими от слез. – Я никак не могу ей помочь. Боюсь, что сделаю только хуже. Возьми зонт и беги к мистеру Торесу. Он должен быть сейчас дома. Скажи, чтобы бросал все свои дела и срочно шел к нам.

Конечно же, я не послушал ее насчет зонта и выбежал на улицу в домашней одежде. Тетя что-то кричала мне вслед, но я не мог или даже не хотел ее слышать. Так быстро, наверное, я прежде никогда не бегал. Ноги вгрызались в размытую глиняную дорогу, и во все стороны летели брызги и комья грязи. Но меня это совершенно не волновало. Я не мог думать ни о чем другом, кроме раненой собаки. Казалось, что, если я сейчас хоть немного сбавлю темп, она умрет.

Старый дом ветеринара Альберто Тореса находился на окраине деревни. Он напоминал съжившуюся на солнце изюминку – настолько сильно его потрепало время. Сам Торес был высоким смуглым мужчиной с густыми волосами, вечно торчавшими в разные стороны. Почти всю свою жизнь он прожил в полном одиночестве в старом доме, занимаясь лечением животных. Соседи ценили и уважали его за доброту, но никто не мог с ним подружиться, так как Альберто Торес был довольно странным человеком со своими причудами.

Я подлетел к его дому, едва не навернувшись на крыльце, и со всей силы начал барабанить в дверь.

– Мистер Торес, откройте, пожалуйста! Мистер Торес! – кричал я сквозь звук дождя, заглушавший мои слова.

Дверь отворилась настолько неожиданно, что я буквально ввалился внутрь дома, вскрикнув от удивления. Торес поднял меня с пола и оглядел с ног до головы мою перепачканную натуру.

– Саймон, привет. Что случилось? – Он наклонился, чтобы оказаться на уровне моего роста.

– Там! Помощь! Очень нужна! Помощь! Ваша! – Вместо осмысленной фразы удавались лишь отдельные слова.

– Спокойно. – Торес положил руку мне на плечо. – Скажи, что ты хочешь.

– У нас... – я прикусил губу, подбирая слова. – У нас в доме собака, у нее сломана лапа, и она истекает кровью!

– Пройди в дом, – ветеринар кивнул в сторону гостиной. – Там на кресле лежит полотенце, можешь хоть немного стереть с себя грязь. И жди меня, я быстро оденусь.

Не успел я оглянуться, как Альберто Торес, перепрыгивая через ступени, помчался вверх по лестнице и исчез на втором этаже. Оказавшись один, я последовал его совету и прошел в гостиную, где нашел то самое полотенце. Только тогда я осознал, что весь покрыт слоем грязи. Обернувшись назад, я увидел мокрые глиняные следы, тянувшиеся за мной от самого входа. Стоило бы постыдиться, что я испачкал пол, но дело в том, что вся гостиная была завалена разным хламом. Чего здесь только не было. В глаза бросался чемодан-

чик с инструментами мистера Тореса – он аккуратно стоял на столе и казался чем-то чужеродным на этой странной свалке. Я постарался припомнить хоть один случай, когда видел ветеринара без чемоданчика, но не смог. В моей голове они были единым целым.

Альберто Торес спустился через несколько минут одетый в коричневый костюм с несколькими заплатками и легким, уверенным движением извлек зонт из-под одной из куч хлама. От удивления я открыл рот. Это было так странно. Торес схватил со стола чемоданчик и, даже не поворачиваясь в мою сторону, направился к выходу.

– Пойдем скорее, нам нужно спешить, – бросил он мне на ходу.

Когда мы пришли в дом тети Ребекки, она все так же сидела рядом с собакой и гладила ее по голове, а та, тяжело дыша, лежала с закрытыми глазами. Альберто коротко попросил тетю отойти в сторону. Она неукоснительно повиновалась приказу ветеринара.

Я не знаю, как правильно передать на бумаге то, что я тогда увидел. Боже мой! Как нежно и трепетно Торес обращался с псом. Каждое его движение было уверенным, но в то же время очень аккуратным. Пес доверился незнакомому человеку, будто чувствовал: он не причинит ему вреда, он хочет помочь. Трудно сказать, сколько времени прошло с того момента, как Торес принялся за дело. Может быть, час, два, а может, и пятнадцать минут. Когда все было закончено, мы укутали пса в одеяло и положили поближе к камину, чтобы он мог наконец согреться.

Альберто Торес сел на табуретку, тяжело вздохнул и достал из кармана пачку папирос. Тяжелый табачный дым заполнил собой помещение. Пес не сводил благодарного взгляда с ветеринара. Альберто улыбнулся ему в ответ и сказал: «Так-то лучше, дружок. Теперь все будет хорошо».

Я на всю жизнь запомнил то далекое мгновение. До сих пор прекрасно помню все вплоть до самых мелочей: пса, укутанного в красно-черное одеяло, мистера Тореса, поправляющего длинную челку, сбившуюся на лоб, тетю Ребекку, нервно покусывающую ногти, и, конечно, самого себя.

Тогда что-то изменилось во мне, и я осознал, что хочу стать врачом, чтобы помогать другим людям. Альберто Торес был настоящим